

вжигаютъ светиленъ техъ, но тако оставляютъ кандила та невожжена. И запечатаютъ гробъ въ 2 часъ ноши, и тогда изгасятъ вся кандила и свечи по всемъ церквамъ въ Иерусалиме.

Тогда азъ худый, недостойный, въ ту пятницу, въ 1 часъ дни идохъ къ князю тому Бальдвину и поклонихся ему до земли. Онъ же, видевъ мя худаго, и призва мя къ себе съ любовию и рече ми: «что хощещи, игумене Русьский?» ...Азъ же рекохъ ему: «княже мой! господине мой, молю ти ся бога деля и князей деля русских, повели ми да быхъ и азъ поставилъ свое кандило на гробе святемъ отъ всея Русьскыя земли!».

Тогда же онъ... повеле ми поставити кандило на гробе господни, и посла со мною мужа, своего слугу лучыпаго, къ иконому святаго Въскресения и къ тому, иже держитъ ключъ гробный, И повеле ми, икономъ и ключарь святаго гроба, принести ми кандило свое съ масломъ. Азъ же... идохъ съ радостию великою и купихъ кандило стъкляно, велико велми, и наливъ масла честнаго все, принесохъ ко гробу господню, уже вечеру сушу, упросихъ ключаря того, единого внутрь гроба суши, и обестихся ему. Онъ же отверзе ми двери святыя и повеле ми выступите изъ калиговъ и тако босого введе мя единого въ святыи гробъ господень и съ кандиломъ, еже нося съ собою, и повеле ми поставити кандило на гробе господни. И поставихъ своими рукама грешныма въ ногахъ, идеже нозе господа нашего Иисуса Христа. Въ главахъ бо стояше кандило святаго Савы и всехъ монастырей; тако бо обычай имуть... И благодетью божиею та ся 3 кандила вожгоша тогда, а фряжская (латинская) кандила повешена бяху горе, а отъ техъ ни едино не възгореса. Азъ же тогда, поставивъ кандило на гробе святемъ и поклонився честному гробу тому и облобызав место то святое съ любовию и съ слезами, идеже лежало тело господа нашего Иисуса Христа, изидохъ изъ гроба святаго съ радостию великою и идохъ въ келии свою...».